

No 1. semen

No 2.
Aphidoidea

No 3. radix

Первейшее дело в разведении ангелов — выбор подходящего места. Возьмём, например, варшавскую Хомичёвку. Между улицей Конрада и поросшим травой аэродромом можно заметить остатки садовых участков. Тут стоят покосившиеся домики, рядом с домиками растут цветы с помидорами, среди цветов и помидоров снуют старушки и старики, и если бы кто-нибудь из них оторвался от лейки и посмотрел в небо, то без всякого сомнения увидел бы кружащие в вышине крылатые фигуры. Но садоводы обычно заняты тем, что внизу, а не тем, что навверху. Если они и смотрят на что-то над верхушками деревьев, то только чтобы понять, собирается ли дождь. И то если зрение позволяет. Некоторые садоводы, конечно, бывают любознательны, но большинству присуща очень приятная черта: они не интересуются чужими делами. Хочешь посадить вместо салата редиску? Да пожалуйста, сажай. Хочешь вместо голубей разводить ангелов? Как хочешь. Главное, за свой участок не вылезай и следи, чтобы твои ангелы перьями чужой сад не засыпали. Садоводы любят спокойствие, а как раз спокойствие просто необходимо любому заводчику. Именно поэтому садовые участки рядом с аэродромом — идеальное место для вольера и ангелятны.

No 4. flos

No 5. fructus

No 6. fructus

No 7. folium

*О том, что такое вольер и ангелятня,
будет дальше, а пока познакомьтесь с Мартой.*

Марте одиннадцать лет, она живёт с родителями, тётей Иреной и четырёхлетним братом Рысем на последнем этаже дома прямо на улице Конрада. Каждый день, собираясь в школу, она выходит на балкон посмотреть, что там за погода. Если на улице холодно, Марта говорит «Брр!» и тут же убегает назад. А если тепло — застывает у перил, глядя куда-то далеко-далеко. Аэродром разливается перед глазами, будто зелёное озеро, по которому идёт рябь. Там приземляются спортивные самолёты и планёры, мотодельтапланы и парашютисты, а иногда — даже вертолёт с красным крестом на фюзеляже. За аэродромом громоздятся дома района Бемово, справа видна свалка, а слева, у самого горизонта, — небоскрёбы варшавского центра. Несколькими этажами ниже, на дороге, рычат друг

на друга стоящие в пробках машины. И только садовые участки кажутся тихими и спокойными. Марте их немного жаль. Папа говорит, что их скоро не будет. Они уже теперь выглядят так, будто их погрыз огромный обжора. С одной стороны укусил, с другой — и вот они уже съёживаются и становятся всё меньше. Там, где раньше рос лук, теперь заправка. Папа Марты утверждает, что Варшава — очень жадный город и проглатывает всё, что не застроено, а папа знает, что говорит, потому что работает в фирме, которая продаёт людям новые квартиры. Жалко, что он себе ни одной не продал,— не пришлось бы жить у тёти Ирены.

— В школу опоздаешь! — кричит мама.

Марта открывает рот, чтобы крикнуть в ответ «Не опоздаю!», до школы ведь рукой подать, но не может выдать ни слова. Она замирает, глядя на крышу одной из садовых беседок. Потом недоверчиво моргает. На крыше стоит пожилой дяденька. Даже отсюда Марта видит его седые волосы, сверкающие на солнце. Обеими руками он держит кривоватый шест, на конце которого трепещет красный лоскут. Сейчас он начнёт им размахивать, давая ангелам, сидящим на деревьях, знак взлетать. Марта бросает быстрый взгляд за спину — мама тоже это видит? Но мама как раз делает ей бутерброды в школу, в окно газетью некогда. Марта снова смотрит в сторону участков. Ангелы уже целой стаей кружат под облаками — всё выше и выше, а потом так высоко, что не отличишь от птиц. Пожилой дяденька, опёршись на свой шест, теперь стоит, задрал голову вверх и приставив ладонь козырьком ко лбу.

— Марта, мне сколько раз повторить, чтобы ты собиралась? — раздражённо говорит мама.

Марта порывается объяснить, рассказать, но мама сжимает губы и вообще выглядит уставшей сильнее, чем обычно. Слушать Марту она не будет. Ну, внимательно — точно не будет. Пробормочет что-нибудь вроде «ыгы» или «да-да» и скажет, чтобы Марта одевалась. Лучше уж ничего не говорить. Папа давно ушёл на работу — до далёкого Мокотова через утреннюю толкотню ехать целый час. Значит, ему тоже не расскажешь про ангелов. Тётя Ирена раньше обязательно выслушала бы Марту, но с тех пор как родился Рысь, она слушает только его. Марта уже большая, ей одиннадцать, она не выдаёт столько забавностей, сколько младший братик.

— А это слышали? — хохочет тётя Ирена, натягивая на Рыся куртку. — Он сказал, что когда вырастет, то женится на мне.

— И сядет в тюрьму, — влезает Марта.

— А вот и нет! — кричит Рысь. — Не сяду! Не сяду же, правда? — он с тревогой смотрит на тётю Ирену.

— Ну конечно, нет, — успокаивает его тётя Ирена, а потом смотрит на Марту, и её взгляд превращается в ракетную установку. — Зачем ты говоришь ему такие глупости?!

— Затем, что раньше Рысь уже делал предложение маме, — пожимает плечами Марта. — А в Польше две жены нельзя.

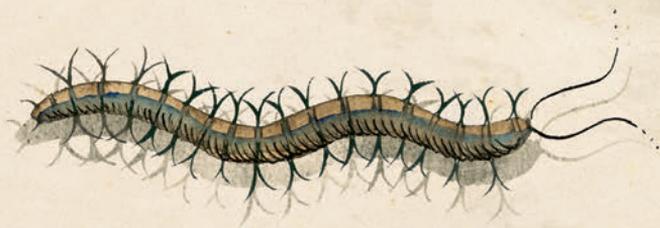
— Наверное, Рысь передумал, — добреет тётя Ирена. — Правда, мой хороший?

— Правда! — радуется Рысь. Тут его охватывает страх, что мама всё слышала, и он с тревогой смотрит в сторону кухни. Но мама, кажется, вообще не слушала — сжав губы, она, несмотря на усталость, старательно чистит сковородку.

Мама Марты ходит уставшая каждый день, причём устаёт с самого утра, сразу, как просыпается. Каждую минуту она снимает очки и трёт глаза. Может, ей ночью что-то страшное снится? Она худая и немного сутулится, но временами Марта видит, как мама выпрямляется. Да что там, даже смеётся! Папе такая мама не нравится, он тогда избегает её, старается не встречаться с ней глазами, уходит с Рысем на детскую площадку или берёт газету и закрывается в спальне. Весёлая мама часами висит на телефоне. А потом вдруг обнимает Марту и говорит, что очень её любит. Или объявляет, что они пойдут в кино — вдвоём, только женщины, никаких мужчин, парни, брысь! Марта бросается одеваться — она знает, что мамина весёлость может испариться в любой момент, и тогда вместо фильма придётся убираться в комнате. Но если уж они успевают добежать до кинотеатра, всё проходит просто идеально: мама покупает не только билеты, но и попкорн с напитком, а после фильма подговаривает Марту сыграть в бильярд, в настольный хоккей или в автоматы. Ну а если уже слишком поздно и Марта зевает во весь рот, они идут домой пешком, и бывает так, что мама поёт. То тише, то громче, а иногда совсем громко! Маму очень забавляет, когда Марта на неё цыкает. А Марте просто не нравится, что на них смотрят прохожие, которые

встречаются по дороге домой. Или когда пьяные пристают.
Хорошо, что в такое время одноклассницы и одноклассники
Марты уже спят.

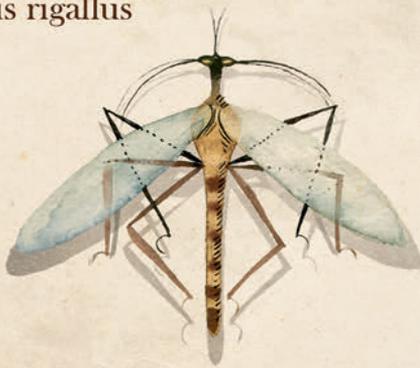
Ангелятня должна быть просторной и светлой. Ставить её следует передом на восток или юго-восток. Строить лучше всего из дерева — кирпичные ангелятни бывают очень сырыми, а с сыростью ангельские крылья не дружат. Влажные — или вообще мокрые — перья теряют летательные свойства. Проще говоря, ангел с мокрыми крыльями далеко не улетит. Кроме того, в мокрых перьях могут завестись насекомые, а это, как известно, очень опасно, ведь может привести ко многим болезням.

No 1. *Lithobius rigallus*

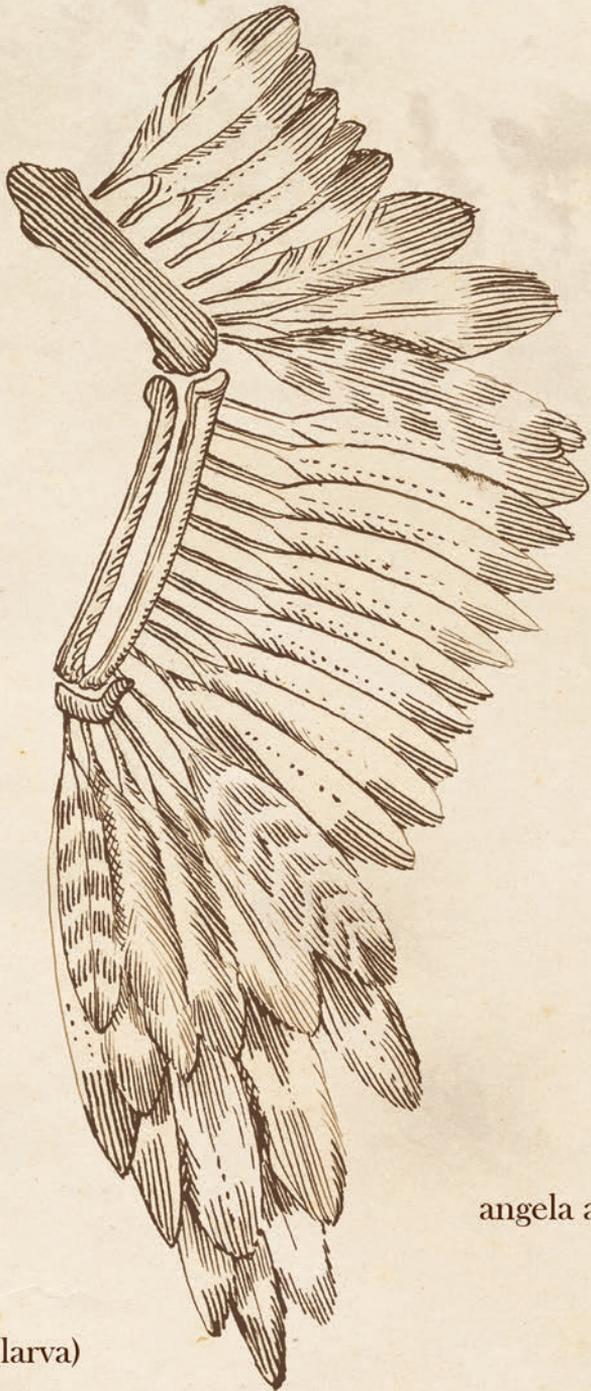

No 2. *Araniella kasdepi*

No 3. *Ephemera sophia*

aqua

angela ala

No 4. Musca hyacintha (larva)

Как поддерживать чистоту в ангелятне и какими методами увеличивать ангельскую сопротивляемость болезням, — в следующей главе пособия. А пока расскажем, как Марта возвращается из школы.

До школы Марта обычно добирается минут за пять, но назад идёт как минимум полчаса. Тётя Ирена не может понять, почему.

— Расстояние ведь то же самое! — злится она, разогревая суп. — Я должна тебя забирать, как маленькую, или что?

Марта вертит головой. Не-а, не хочет она, чтобы тётя Ирена забирала её из школы. Больше не хочет. Может, полтора года назад для неё это было важно, но не теперь. Рысь — он младше. Рыся нужно забрать из садика, сам ведь он домой не придёт. Рыся нужно одеть. За Рысем нужно проследить. Рыся нужно покачать на качелях. Рысю нужно купить леденец, когда он скандалит на детской площадке. Нет уж, спасибо, Марта хочет возвращаться одна. Как повезло, что Рыся не взяли в садик рядом с домом, иначе Марту точно заставили бы забирать его после уроков. А так эта обязанность досталась тёте Ирене.

— И это тоже делаю я! — кричит тётя Ирена, когда они с мамой Марты ссорятся.

— Так ты ведь сама вызвалась, — защищается мама. — Говорила, мол, не вопрос, отведу и заберу.

— Каждый день?!

— Ну я же работаю, — мамины губы дрожат, она пытается взять себя в руки. — И Збышек тоже. Допоздна.

Збышек — это папа Марты.

— И что вам даёт эта работа? — спрашивает тётя Ирена. — У вас даже угла своего нет. Вот это работа!

И во всей квартире становится душно — так душно, что Марта уходит на балкон. Чтобы вдохнуть воздуха. Заткнуть уши. Повернуться спиной к поникшей маме. Не смотреть на разъярённую тётю Ирену, которая после каждой такой ссоры вытаскивает из кладовки швабру и начинает мыть пол. Не слышать Рыся, который где-то там играет себе. Марта стоит на балконе и застывшим взглядом смотрит вперёд. Она долго-долго ждёт, надеясь на что-нибудь необычное. Может, опять появятся ангелы? А если не ангелы, то хотя бы разноцветный спортивный самолёт. Или красный биплан, который гудит, как гигантский майский жук, и кажется таким же неуклюжим. Может, с неба упадут парашютисты? Может, из-за мусорной кучи поднимется мотодельтаплан?

— Марта, вынеси мусор! — голос тёти Ирены возвращает её в реальность. — И не стой на балконе в одних носках. Думаешь, их потом легко отстирать?

Марта молча заходит назад. Знает она, что носки трудно отстирываются. Надо их снять. Надо закинуть в стиралку. А перед этим проверить, чтобы разноцветное бельё не оказалось вместе. Насыпать порошка. А ещё раньше — принести этот порошок из магазина. Купить его. Заработать на него. Надо ох как поработать, чтобы Марта могла ходить